

© 2013 г.

Д.В. СУРЖИК

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ в 1941–1945 годах

Общественное мнение США не раз становилось предметом изучения отечественных исследователей. Соответствующие работы российских американистов можно условно разделить на три направления: традиционное, либеральное и критическое. В основе первого лежит монография Д.Г. Наджафова “Нейтралитет США, 1935–1941”¹. Ее автор вводит в оборот понятие “антимилитаризм американского народа”, который им противопоставляется изоляционизму и объединяется с антифашистскими настроениями. Однако из текста монографии следует, что “антимилитаризм” был в действительности бегством от сотрудничества с европейскими странами, основанном на неприятии режима монархий. Т.е. можно идентифицировать постулируемый Д.Г. Наджафовым “антимилитаризм” и общеизвестный термин “изоляционизм”. Из приведенных в книге данных можно сделать вывод о том, что антифашистское движение в США имело национальные корни, таким образом, первичным здесь было не идеологическое, а национальное противостояние.

Аналогичная попытка нарисовать широкое полотно американского общественного мнения в 1941–1945 гг. характерна также для представителей либерального направления. Данный подход был реализован Р.Ф. Ивановым в ряде работ. Его концепция такова: свободное общество (и в США, и в СССР) свободно выражало свои настроения. Однако при подобном подходе не учитываются различия в политических режимах и воздействия, которые оказывали на развитие общественных организаций различные политические институты, в том числе созданные специально для информирования и формирования общественного мнения (например, Управление военной информации). Пытаясь показать предпочтения рядовых американцев на примере штата Канзас, исследователь не дает ответа на вопрос: почему те же люди, которые участвовали в многотысячных акциях в поддержку сражавшегося СССР, весьма спокойно восприняли начало “холодной войны”?

Попытку найти причины подобной эволюции предпринял В.Л. Мальков². По его мнению, опасения повторения экономического кризиса после краткосрочного периода бурного роста экономики за счет военных заказов побуждали американскую финансово-промышленную и интеллектуальную элиту поддерживать идею постоянной “военной готовности” страны даже по завершении Второй мировой войны. В действительности,

---

Суржик Дмитрий Викторович – научный сотрудник научно-исследовательского отдела (научного руководителя фундаментального многотомного труда) “Великая Отечественная война 1941–1945 годов” (Военный университет, Москва). Статья подготовлена в рамках ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013, Государственный контракт № 16.740.11.0420 от 3 декабря 2010 г.

¹ *Наджафов Д.Г.* Нейтралитет США, 1935–1941. М., 1990.

² *Мальков В.Л.* Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988.

опираясь на реакционную оценку роли американских союзников (а порой – откровенный шовинизм по отношению к ним), ведущие представители капитала и политической мысли смогли фактически дезавуировать рузвельтовскую идею “четырёх полицейских”, охраняющих мир и ликвидировать развернутые ньюдилерами просветительские инициативы. Отправной точкой для реакционного поворота от вильсонизма к холодной войне, как показывает В.Л. Мальков в книге “Россия и США в XX веке”³, стала мессианская идея, согласно которой Соединенные Штаты имеют дарованный свыше, “правильный” образ жизни, и обязаны распространять его в мире. В действительности провиденциализм как форма донести свои взгляды до граждан, был присущ выступлениям сторонников внешнеполитического курса и идей послевоенного мироустройства и Ф. Рузвельта, и Г. Трумэна.

Попытку совместить изучение общественного мнения и методов его формирований на примере отдельного события предпринял С.О. Буранок⁴. Его статья позволяет сделать ряд весьма интересных выводов о своеобразии американской прессы как средства формирования настроений масс относительно событий в Пёрл-Харборе. Однако автор, несколько увлекшись описательной стороной, не смог четко выделить меры властей по информированию граждан. Попытку проследить эволюцию отношения американцев к СССР во второй половине 1941 г. предприняла также О.В. Рычкова. Плюсом ее работы является обилие цитат из источников, однако отсутствует их критическая оценка. В частности, без должного комментария цитируется одна из американских газет осени 1941 г., где сказано, что “немецкая кампания на Востоке обнаруживает тенденцию к старомодной осадной войне”⁵. Это было написано тогда, когда вермахт продвинулся в глубь советской территории на 450 км в направлении Ленинграда, на 600 – Смоленска и на 350 – Киева.

Российские историки еще не проанализировали усилия рузвельтовской администрации по мобилизации американского общества в 1939–1945 гг. Их американские коллеги, изучая “хоум фронт” США, как правило, останавливаются на некоторых пропагандистских кампаниях с акцентом на противоречии между государственной пропагандой и свободой слова⁶. Среди зарубежных работ о формировании американского общественного мнения в годы Второй мировой войны одной из наиболее авторитетных работ по настоящему дня остается монография А. Винклера⁷. В ней впервые ставился вопрос о проблемах в работе Управления военной информации. Они возникали как внутри, так и вне его стен. Автор показывает, сколь непростыми были отношения пропагандистов с различными взглядами между собой и с иными структурами. В работах отечественных авторов наблюдается тенденция к общему изучению методов пропаганды или, напротив, чрезмерное увлечение фактологией⁸. Образцом первого подхода является сборник “Методы и приемы психологической войны”, где на весьма немногочисленных примерах излагаются концептуальные основы пропагандистской деятельности⁹.

Таким образом, сейчас лишь начинается переход от представления о свободном формировании общественного мнения США к его трактовке как объекта воздействия различных политических сил. Пропагандистская деятельность администрации Рузвельта является одним из малоизученных вопросов истории Второй мировой войны. В демократическом государстве, где нельзя игнорировать мнение оппозиции, президентская администрация приложила большие усилия, чтобы подготовить сознание

³ Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. М., 2009.

⁴ См. Буранок С.О. Трагедия в Пёрл-Харборе и американская пресса. – Новая и новейшая история, 2010, № 5, с. 210–220.

⁵ Цит. по: Рычкова О.В. Американская пресса о борьбе СССР против фашистской Германии в 1941 году. – Преподавание истории в школе, 2010, № 3, с. 23.

⁶ См., например: Weinberg S. What to Tell America. The Writers Quarrel in the Office of War Information. – The Journal of American History, v. 55, No. 1 (June 1968), p. 73–89.

⁷ Winkler A.M. The politics of Propaganda. Yale, 1977.

⁸ Волковский Н.Л. История информационных войн, кн. 1–2. СПб., 2003.

⁹ Методы и приемы психологической войны. М., 2006.

американского общества к участию во Второй мировой войне и соответственно роли великой мировой державы. Как известно, ей противостояла серьезная оппозиция в Конгрессе, а примерно 70% американцев полагали, что после войны наступят тяжелые времена, связанные с безработицей, ростом цен и падением заработной платы¹⁰. Президенту и его окружению пришлось немало постараться, чтобы убедить американцев в необходимости участия в войне.

К началу Второй мировой войны в США имела теоретическая база пропаганды, основанная на работах журналиста У. Липпмана и психолога Э. Бернейса – советников Вудро Вильсона и членов правительственного Комитета общественной информации в годы Первой мировой войны. Имелся также и практический опыт агрессивных информационно-газетных кампаний медиамагнатов У. Уинчелла и У. Хёрста.

13 июня 1942 г. для координации информационной (по сути, пропагандистской) деятельности американских государственных учреждений было создано Управление военной информации (The United States Office of War Information – OWI, УВИ). Оно было выведено из состава Управления координатора информации (Office of the Coordinator of Information – COI, УКИ), созданного 11 июля 1941 г. Своим появлением УКИ о многом обязан двум британцам – главе военно-морской разведки Дж. Годфри и британскому резиденту в Нью-Йорке У. Стефенсону, который позднее будет сотрудничать с Управлением военной информации. Координатор имел полномочия собирать и анализировать сведения, которые можно отнести к вопросам национальной безопасности и отвечать на запросы главы государства, а также докладывать о них правительству и президенту США, а также лицам, определенным последним и охранять подобные сведения, еще не доступные правительству¹¹.

Главой УКИ был назначен участник Первой мировой войны Уильям Донован (“дикий Билл”) – выпускник Колумбийского университета с безупречной репутацией, кандидат от республиканской партии на пост губернатора штата Нью-Йорк (1932), известный своей бурной деятельностью на посту прокурора Нью-Йорка, активной жизненной позицией и антифашистскими взглядами. В 1935 г. Донован побывал в расположении итальянских войск в Эфиопии. Среди его знакомых были влиятельные финансисты и юристы: Ф. Нокс, Д. Брюс и братья Даллес, Аллен и Джон Фостер.

После вступления США во вторую мировую войну в информационных отделах некоторых государственных ведомств развернулась агитационная деятельность. Подобные отделы были созданы в министерстве по чрезвычайным ситуациям, управлении цен, комиссии по мобилизации трудовых ресурсов и некоторых других. Их функции были преданы Управлению военной информации. После нападения на Пёрл-Харбор, когда объем развединформации возрос и американским спецслужбам потребовалось переориентироваться с европейского театра на тихоокеанский, который стал приоритетным, УКИ разделили на две службы: УСС (разведка с отчетностью о тайных операциях Комитету начальников штабов) и УВИ (пропаганда). В соответствующем указе от 13 июня 1942 г. говорилось о том, что создание нового ведомства имеет целью обеспечение права американского и других народов антигитлеровской коалиции на получение правдивых сведений об общих военных усилиях союзников. Согласно документу, в рамках Управления создавался “наблюдательный совет” – Комитет по вопросам военной информации. В него входили директор УВИ (как председатель) и представители государственного департамента, министерств обороны и ВМС, Координатор по внутриамериканским делам (поскольку пропаганда на Латинскую Америку и Карибские острова оставалась в его компетенции)¹², а также другие лица, назначенные по

¹⁰ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990, с. 189.

¹¹ COI Came First. – Center for the study of intelligence (URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/oss/art02.htm>. Дата обращения: 14.08.2012).

¹² Таким образом, в указе перечислялись все органы специальной пропаганды США. Управление военной информации обладало монополией на пропаганду внутри Соединенных Штатов и работало на гражданское население союзников и противников в Азии, Европе и Африке.

представлению председателя президенту США. Комитет определял основы политики в сфере военной информации, а также рассматривал пропагандистские материалы УВИ, для европейского, азиатского и африканского театров военных действий¹³.

Центральной фигурой Управления военной информации являлся директор Элмер Дэвис. Назначенный Президентом США, он получал материалы о шагах правительства в деле ведения войны (официальная позиция правительства Соединенных Штатов, данные о военных действиях, дипломатии, экономике и т.п.). Он же нес ответственность за все исходящие от правительства сведения такого характера, их содержание и форму, а также распространение в США и за рубежом. Директор УВИ входил в редакционные советы всех теле- и радиопередач по военной тематике, созданных при поддержке федеральных агентств. Он имел полномочия потребовать закрытия любой из государственных информационных служб¹⁴.

Выпускник Оксфорда, Дэвис был хорошо известен американской публике своими еженедельными вечерними пятиминутными комментариями европейских событий, которые он давал из нью-йоркской редакции радиостанции Си-Би-Эс 1939 г. Его отличали не только приятный голос и отсутствие акцента. Зачастую озвучивавший в своих передачах мнение “простого американца”, он представлял собой редкое исключение из пафосных комментаторов тех лет. В этих пятиминутных передачах Дэвис раскрылся как блестящий аналитик, способный противостоять геббельсовской пропаганде. Он также пользовался авторитетом у коллег. Так, журнал “Тайм” назвал его человеком со светлой головой, одним из лучших ведущих программ новостей¹⁵. Во время польской кампании вермахта Дэвис работал по 18 часов в сутки, позднее назвав те несколько недель “беспрерывным прокатным станом новостей с нерегулярными и непредсказуемыми перерывами для сна”¹⁶. Именно тогда информационная составляющая радиостанции развернулась на полную мощность, превратившись в круглосуточный “марафон новостей”.

Под руководством Дэвиса в Управлении военной информации были сосредоточены ведущие специалисты в своих сферах: драматурги (М. Эйзенхауэр, А. Миллер, Р.Э. Шервуд, Л. Фолк, Х. Кобб), поэты (А. Маклейш, Ч. Олсон), социологи (А. Шлезингер мл., Л. Уэйд Джонс). Это были люди разных национальностей, объединенные общим стремлением прибить крах фашистского блока. Всего с УВИ в годы войны сотрудничало 11 тыс. чел.¹⁷

УВИ имело разветвленную структуру для ведения агитации на “домашнем фронте” в отношении союзников и нейтральных стран, а также противника. Пропаганда УВИ на территории США велась всеми доступными средствами (печатные издания, радио- и кинопередачи, четырехминутные выступления лекторов) по максимально широкому спектру: не только “отрицательная” (негативный образ стран “Оси”), но и положительная (соответствующий образ США как многонациональной страны, все население которой сплотилось, чтобы помочь сражающимся за демократию). Наиболее важным средством пропаганды, конечно же, являлось радио. К 1940 г. 85% домовладельцев имели радиоприемники, а опрос, проведенный в 1941 г., показал, что американцы предпочитали узнавать новости по радио, а не из газет¹⁸.

---

¹³ See Executive Order 9182. – Franklin Delano Roosevelt Library (далее – FDRL), Hyde Park, New York. Oscar Cox collection, container 63, Folder: Committee on War Information.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Man of Sense Time, 22.VI.1942, p. 21.

¹⁶ Hosley D.H. As Good As Any: Foreign Correspondence on American Radio, 1930–1940. Westport, 1984, p. 74.

¹⁷ McKenzie V. United Nations propaganda in the United States. – Public Opinion Quarterly, v. 6, 1992, p. 351.

¹⁸ Voss F. Reporting the War: The Journalistic Coverage of World War II. Smithsonian Institution Press, 1994, p. 120.

Значительную роль в работе Управления занимали директивы, направленные на подрыв морального состояния противника и подготовку проамериканского общественного мнения. Эти распоряжения имели различные формы. Центральные директивы ежедневно отправлялись всем служащим УВИ в разных регионах и содержали темы, которые УВИ желала видеть в радиопередачах, листовках и, где возможно, в газетах. Региональные директивы имели своим адресатом противника, оккупированные или нейтральные страны, создавались специально для каждой страны и содержали различные аспекты основных тем для пропаганды. Третья категория, специальные директивы, были посвящены событиям, которые требовали особого внимания. Четвертая категория, перспективные директивы, закладывали основы послевоенного пропагандистского аппарата США в таких ключевых странах, как Китай, Филиппины, Сирия, Ливан и Индия¹⁹.

Согласно статье 606 закона “О связи” от 1934 г. президент имел право вмешиваться в работу частных компаний, если это было необходимо в целях обороны страны²⁰. Однако этого не потребовалось: через несколько часов после нападения Японии на Пёрл-Харбор председатель правления “Национальной радиовещательной компании” (Эн-Би-Си) Д. Сэрноф прислал Рузвельту телеграмму со словами: “Все наши мощности и персонал в Вашем распоряжении. Мы ждем Ваших указаний”. Однако Белый дом не имел точного плана, как использовать радио в войне. В первые дни после объявления Японией и Германией войны США Рузвельт поручил своему секретарю Стивену Эрли разработать пакет мер, чтобы государство могло транслировать свои передачи, используя мощности Эн-Би-Си.

Согласно указу, подписанному Рузвельтом в сентябре 1940 г., руководство над всеми радиопередачами, гражданскими и военными, поручалось Совету обороны и связи во главе с Л. Флаем, который также был главой Федеральной комиссии по связи. Его основные полномочия на новом посту были связаны с техническими вопросами (например, распределение частот). В военное время Совет получил полномочия по контролю над всеми каналами радио- и кабельного сообщения. Тогда же, опережая события, директор ФБР Дж.Э. Гувер сделал официальный запрос на разрешение записывать все звонки между странами “оси” и США. Однако Флай, дважды (в 1940 и 1941 гг.), сославшись на закон “О связи”, отклонил эти ходатайства.

Как председатель Совета обороны и связи, Л. Флай летом 1940 г. попросил профессора Гарварда Карла Иоахима Фридриха, специализировавшегося на исследованиях по теории коммуникаций и пропаганде, высказать свое мнение о том, какими должны быть идеи американской радиопропаганды военного времени на США. Ответ Фридриха, начинавшийся призывом максимально сконцентрировать ресурсы, содержал много полезных рекомендаций. Например, государство не должно пытаться конкурировать с частными радиостанциями. Напротив, надо использовать в своих целях наиболее популярные их передачи. Следует также привлекать известных актеров для передачи идей государственной пропаганды²¹. В дальнейшем его идеи найдут воплощение в работе Бюро внутриамериканского вещания УВИ.

Возможность принимать передачи трех общенациональных станций (Эн-Би-Си, Эм-Би-Си и Си-Би-Эс) была у 85 млн. американцев, у которых имелись радиоприемники. Основное эфирное время (особенно у местных радиостанций) занимали трансляции спортивных передач. Вечером передавались музыка, радиовикторины и радиоспектакли (как драматические, так и комедийные). Нередко в дневном эфире транслировались передачи, подготовленные Бюро внутриамериканского радиовещания УВИ²². Оно арендовало передатчики у частной Эн-Би-Си на время своих передач.

¹⁹ Office of Policy Coordination. – FDRL, Official File as President, File 5015, Folder: Committee on War Information.

²⁰ *Socolow M.J.* News is a Weapon. – *American Journalism*, # 24(3), Summer 2007, p. 112.

²¹ *Ibidem*.

²² В структуре УВИ существовало также бюро заокеанского радиовещания. Передатчики же “комитета Рокфеллера” остались в распоряжении Координатора по межамериканским делам.

Для американских радиослушателей Бюро подготовило три серии передач: “Дядя Сэм” (в течение всей войны, о внутренних проблемах США), “Это наши враги” (весна 1942 г., о Германии, Италии и Японии) и “Как много можно успеть за день” (август 1943 г., о работе военной экономики). Помимо этого сотрудники отдела писали сценарии для программ частных радиостанций, в том числе для радиоканала “Капеллан Джим”, входившего в состав корпорации Эн-Би-Си. Радиопродюсер Н. Корвин создал для УВИ ряд радиопостановок на военную тему, в которых главную роль исполнял известный актер Роберт Янг, а также несколько передач, в том числе “Американец в Англии”, “Американец в России”, “Паспорт для Адамса”. Все частные радиостанции нередко транслировали в прямом эфире выступления Корвина. Так было в декабре 1941 г. (речь, посвященная юбилею Билля о правах), мае 1945 г. (“На волне триумфа” о победе в Европе) и августе 1945 г. (“14 августа” о перспективах послевоенного сотрудничества победителей).

Материалы для передач Бюро внутриамериканского вещания предоставляли и профсоюзные объединения, Американская федерация труда (АФТ) и Конгресс производственных профсоюзов (КПП). В течение всей Второй мировой войны американцы получали свежую информацию из Лондона от журналиста радиоконпании “Коламбия бродкастинг систем” Э. Мэрроу.

Политика и военные действия ежедневно озвучивала снискавшая известность плеяда радиожурналистов: Г. Кальтенборн, Л. Томас, У. Уинчел, Р. Свинг и другие. Каждый день они свободно высказывали в радиоэфире свое мнение о политиках. Некоторые из них, такие, как А. Клоуз и Ф. Льюис, высказывались в откровенно антирузвельтовском и антисоветском духе. Другие (Э. Мэрроу, У. Ширер и др.) были апологетами “Большой тройки”.

В стремлении усилить впечатление от гитлеровской угрозы, власти снова обратились к обмену пропагандистскими материалами с Великобританией. Этот опыт был настолько успешным, что американцы поверили: им тоже грозит кошмар “воздушной войны”. Некоторые современники вспоминают, что жители восточной части Нью-Йорка в начале войны опасались немецких авианалетов. Жители Атлантического побережья всерьез боялись “самоубийственных” налетов (в один конец, без возвращения обратно) люфтваффе, а Миннеаполис – бомбежке со стороны Северного полюса²³. Хотя гитлеровские ВМС не имели авианосцев, и США были расположены вдали от основных театров военных действий, возможность бомбежек люфтваффе большинством горожан рассматривалась всерьез. Проводились учения по противовоздушной обороне и светомаскировке²⁴. Боевые действия на территории собственно США ограничились лишь нападением на Пёрл-Харбор, единичным налетом нескольких (предположительно японских) самолетов на Лос-Анджелес и отдельными бомбардировками американских нефтеперерабатывающего завода (вблизи Санта-Барбары) и форта (штат Орегон), не имевшими серьезных последствий²⁵.

Главной же достопримечательностью американских городов тех дней (накануне “эры телевидения”) были кинотеатры. С 1941 по 1945 гг. еженедельно 80 млн. американцев смотрели кинофильмы в 16 тыс. кинотеатров, которые в совокупности могли принять сразу 11 млн. чел.²⁶ Т.е. на каждом сеансе зал был заполнен почти полностью. Зрители, которые пришли увидеть игровую киноленту, вначале сеанса неизбежно знакомились с материалами Управления военной информации перед входом в кинозал и перед просмотром киноленты. На площадях у кинотеатров и в парках перед толпами

---

²³ См. *Александр Ч.С.* Хорошая ли это была война для Америки? – Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995, с. 304.

²⁴ *Sage H.J.* World War Two: The Home Front. Richmond, 2008, p. 28.

²⁵ См. *Александр Ч.С.* Указ. соч., с. 303.

²⁶ *MacCann R.D.* The People’s Films: A Political History of U.S. Government Motion Pictures. New York, 1973, p. 119.

горожан, по примеру четырехминутных лекторов “комитета Крила”, вели работу агитаторы из Управления военной информации. Перед каждой кинолентой демонстрировалась кинохроника “Юнайтед ньюсрил” или анонс в патриотическом духе, призывавший население не обсуждать передвижения войск, покупать облигации и поддержать своих воюющих отцов, братьев и сыновей.

Киноленты были самым эффективным способом донести позицию Белого дома до широких масс. Как говорил Элмер Дэвис, кино является самым мощным инструментом пропаганды вне зависимости от того, используется ли оно для этой цели или нет²⁷. Того же мнения придерживался и Рузвельт, назначивший в соответствующий отдел Управления военной информации своего помощника и бывшего редактора газеты “Вашингтон дейли ньюс” Л. Меллетта. Под его руководством бюро кинопродукции вместе с Голливудом создавало киноленты как для американской аудитории, так и для заграничной. Для показа в США были созданы фильмы “Трудовые резервы”, “Экономия топлива”, “Продукты для фронта”, “Врачи на войне” и другие. Порой сюжетом фильма становился отдельный город. Так, американцы узнали о том, как жители Алабамы успешно преодолевают трудности с жильем и здравоохранением, которые обострились в связи с войной.

Одной из знаковых кинолент 1943 г. стала “Миссия в Москву” (критики из госдепартамента почти сразу переименовали ее название на “Подчинение Москве”), снятая по мотивам мемуаров бывшего посла Дж. Дэвиса. Идею фильма Рузвельт лично предложил Дж.У. Уорнеру одному из создателей компании “Уорнер Бразерс”. Деньги (2 млн. долл.) также были отпущены из государственной казны. В этой исключительно политической киноленте радикальным образом менялся образ Советского Союза и его лидера. Если в мемуарах Дэвиса изредка можно встретить сомнения в советском лидере, то в фильме им и вовсе не было места. Он уже не выглядел циничным и кровожадным тираном, подписавшим пакт с Германией и развязавшим войну с Финляндией, каким Сталина представляло американское руководство в 1940 г. Напротив, теперь он был строгим, но милостивым “дядюшкой Джо”²⁸, потягивающим трубку, решительно настроенным против захватчиков. Он возглавил счастливых колхозников и веселых рабочих, чтобы уничтожить вторгнувшихся на святую Русь гитлеровцев²⁹. Помимо создания образа СССР, ставшего жертвой агрессии, в фильме звучат обвинения Великобритании, Франции и Польши в попытке умиротворения Гитлера и пособничестве ему. Та же тень подозрения легла и на изоляционистов в самих Соединенных Штатах. Пользовались популярностью советские кинохроники: “Контрнаступление под Москвой” и “Сталинградское сражение”. Первая из данных кинолент была переозвучена и адаптирована для американского зрителя. Под названием “Москва наносит ответный удар” она получила премию “Оскар”.

Большое впечатление на американцев произвели подготовленные Управлением военной информации документальные киноленты: “Почему мы воюем?” и “Сражение у атолла Мидуэй” режиссера Дж. Форда. Несмотря на ограничения, налагавшиеся военной цензурой, бюро кинопродукции УВИ за несколько лет существования успело создать 267 кинохроник “Юнайтед ньюсрил” (на 16-мм пленке), которые демонстрировалась в США и за их пределами. Большинство лент не давало полного объяснения причин конфликта и того, за что велась война. Поэтому внимание зрителей было приковано к игре актеров или действиям реальных военнослужащих в бою.

---

²⁷ *Koppes C.R., Black G.D. The Office of War Information and Hollywood, 1942–1945. – The Journal of American history, v. LXIV, No. 1, June 1977, p. 89.*

²⁸ В переписке У. Черчилля и Ф. Рузвельта впервые “Дядей Джо” или “Д. Дж.” Сталин был назван 16 июля 1943 г., но в прессе его так именовали и ранее. В частности, весной 1942 г. так назвала советского руководителя фотограф журнала “Лайф” Маргарет Борк-Уайт, которая была поражена его доброй улыбкой. (См. *Александр Ч.С. “Дядя Джо”: образы Сталина в период наивысшего развития антигитлеровской коалиции. – Американский ежегодник, 1989, с. 31.*)

²⁹ *Fleming T. The New Dealer’s War. New York, 2001, p. 294.*

Некоторые изменения произошли и в игровом кинематографе. С середины 1930-х годов и до Второй мировой войны он словно был исключен из интеллектуальной и политической жизни страны, намеренно избегая злободневных сюжетов. В 1941–1945 гг. в Голливуде ежегодно снималось около 500 кинолент. Однако военная тема присутствовала в менее чем половине из них³⁰. Когда летом 1942 г. в Голливуд прибыл бывший редактор “Санкт-Петербург Таймс” и заместитель начальника бюро кинопродукции УВИ Нельсон Пойнтер, он обнаружил следующее. Только 213 из находящихся в стадии съемок фильмов так или иначе отражали военную тему. Причем 40% были посвящены американским вооруженным силам и боевым действиям, в которых они принимали участие. Менее чем в 20% был изображен противник (как правило, это шпионы и диверсанты, например “Малый Токио”). Другие темы (Объединенные нации, американский тыл и пр.) освещались в минимальном объеме. Но, что вызвало особую тревогу у Пойнтера, так это изображение в кинолентах войны как детектива. Боевые действия были фоном для мюзиклов и легкомысленных комедий. Трактовка реалий войны присутствовала на зачаточном уровне: Объединенные нации воевали из-за того, что подверглись нападению, и поэтому победят³¹.

Чтобы помочь киноиндустрии “прозреть”, Пойнтер и его коллеги из голливудского представительства бюро кинопродукции УВИ в июле 1942 г. написали и распространили 167-страничную “Инструкцию для киноиндустрии [по использованию] правительственной информации” (последняя в виде информационных сводок еженедельно доставлялась в Голливуд). “Инструкция” представляла собой тематический список того, что можно и чего нельзя показывать Голливуду. Среди вопросов, которые в ней затрагивались, были причины войны, противник, союзники, военная экономика, “домашний фронт”, американские войска. Весьма значительную часть документа составляли внутриамериканские, экономические темы.

Дух “Инструкции” во многом был схож с речью вице-президента США Генри Уоллеса “Век простого человека” от 8 мая 1942 г. В ней Вторая мировая война представлялась не просто борьбой за существование, но “народной войной” между фашизмом и демократией³². Авторы документа особо подчеркивали, что война велась ни между государствами, ни между классами или расами. Она велась за провозглашенные американцами четыре свободы; не против вождей стран “оси”, их партий или народов, а против их идеологии – фашизма и его сторонников, где бы они ни находились, в США или за их пределами. В трактовке американских пропагандистов, фашизм – это милитаризм, основанный на утверждении физического превосходства одного человека над другим по расовому или религиозному признаку. “Инструкция” предлагала сценаристам помочь американцам определиться со своим вкладом в общую победу. Для этого имелись различные возможности: стать добровольцем (противопожарной службы или Красного Креста), подготовиться к отражению авианалетов, помочь властям не допустить инфляции (покупая самое необходимое, а также облигации военных займов, не делая запасов и поддерживая свое здоровье)³³.

Поскольку Пойнтер и его подчиненные называли себя не цензорами, а консультантами, их влияние на съемочный процесс было довольно скромным. Несмотря на то, что государство щедро финансировало избранные “правильные” киноленты³⁴, немногие кинорежиссеры соглашались взять госзаказ из-за высоких кассовых сборов на их игровые киноленты. Как следствие, в американском игровом кинематографе война представляла собой “смесь мрачной решимости и самоуверенной надежды, реализма и наивности”. Роли играли известные американские актеры того времени: Уолтер Хьюстон, Грегори

³⁰ *Koppes C.R., Black G.D.* Op. cit., p. 90, 89.

³¹ См. Jones to Poynter, Sept., 15, 1942. – FDRL, OWI Records. Box 1435.

³² См. *Koppes C.R., Black G.D.* Op. cit., p. 91.

³³ *Government Information Manual for the Motion Picture Industry.* Washington, 1942, p. 14, 33–38.

³⁴ См. *Schatz T.* Op. cit., p. 269.

Пек, Уолтер Бреннан и другие. Основными стереотипами фильмов были образы коварных японцев, жестоких немцев, молчаливых и отважных англичан, могучих и смелых русских. Чтобы не поднимать весьма болезненный расовый вопрос, очень редко (особенно, в сценах битв) главными героями редко делали чернокожих американцев. До 1943 г. (по причине малых побед или из-за боязни волнений) по указанию правительства на экранах было запрещено показывать тела погибших американцев.

Специалисты из Управления военной информации были лишены возможности общаться со сценаристами и режиссерами во время съемок³⁵. Они рассматривали каждый кинофильм с позиций интересов государства и имели право присутствовать на предварительном просмотре без возможности что-либо изменить в фильме³⁶. Как заметил Элмер Дэвис, на первом году сотрудничества с Голливудом, киностудии стремились “создать собственный образ войны так, как хотелось им”³⁷. Видимо, в том числе и по этой причине, игровые фильмы (“Великий диктатор”, “Победы Тарзана”, “Янки идут!”) пользовались огромной популярностью. В годы войны был установлен абсолютный рекорд посещаемости кинотеатров, не превзойденный до сих пор: 80 млн. чел. еженедельно³⁸.

* * *

Бюро публикаций и наглядности Управления военной информации на всем протяжении войны издавало просветительские брошюры по отдельным вопросам, а также регулярный “Бюллетень победы” и отдельные публикации выступлений руководства США (например, речи Г. Уоллеса “К новым горизонтам” или К. Хэлла “Четыре свободы”). К числу первых относятся “Непобежденные” (о борьбе европейского Сопротивления), “Разделяй и властвуй” (о дипломатии Риббентропа), “История одного города” (о гитлеровской тактике “войны на уничтожение”), “Миллиард” (сборник очерков о разных народах стран антигитлеровской коалиции), “Как заработать 16 миллиардов долларов” и “Битва за мнение каждого” (оба – о налогообложении), “Негры и война” и ряд других³⁹.

Авторы брошюр стремились не только донести новые знания согражданам, но также добиться понимания ими необходимости жертв и лишений. В них сочетался идеалистический подход к целям войны и огромное количество иллюстраций из жизни на фронте и в тылу. Одной из первых публикаций УВИ была брошюра “К новым горизонтам”. В ней содержалась речь Г. Уоллеса, произнесенная 8 мая 1942 г. в Нью-Йорке⁴⁰. Она, как и большинство выступлений американских политиков (особенно на “домашнем фронте”), как и упомянутая речь Уоллеса, строилась по трем основным пунктам:

1) опора на распространенное в обществе убеждение или позицию по какому-либо вопросу;

2) упоминание некоторых фактов и/или лиц, которые рассматриваются через призму уже знакомого сюжета;

3) вывод, содержащий связь объекта действительности с фундаментальными идеологическими установками прошлого.

Идеализм в выступлениях политиков подкреплялся значением важности общих усилий для разгрома врага. Так, вышедшая в начале 1943 г. брошюра “Негры и война”, содержавшая большое количество фотографий чернокожих солдат, рабочих, ученых, исследователей и артистов, разошлась тиражом в 2 млн. экземпляров. Однако произведенный ею эффект вряд ли однозначно можно назвать положительным. Так, глава

³⁵ Elmer Davis Press conference, Dec. 23, 1942. – FDRL, Records of the Office of War Information. Box 1442.

³⁶ Koppes C.R., Black G.D. Op. cit., p. 95.

³⁷ Winkler A.M. Op. cit., p. 58.

³⁸ Koppes C.R., Black G.D. Op. cit., p. 89.

³⁹ NARA. Office of War Information Records, RG 208.

⁴⁰ Toward New Horizons. Washington (D.C.), 1942.

Национальной городской лиги Л. Гренжер называл эту работу “колоссальной ошибкой” потому, что она была похожа на избивание человека, лежавшего на земле (бесправных и нередко становившихся жертвами расистов афроамериканцев) и одновременно попытку приободрить их: ведь они еще живы (показать, что их положение в США лучше судьбы, уготованной Гитлером)⁴¹.

* * *

Как же реагировала американская общественность на сближение с Советским Союзом и пропагандистскую кампанию Управления военной информации? Начало Великой Отечественной войны и внешнеполитический курс Рузвельта американская элита восприняла противоречиво. 21 июня 1941 г. госдепартамент на основании письма посла США в Москве Л. Штейнгардта представил госсекретарю К. Хэллу меморандум, где среди прочего были и такие слова: “Мы должны будем последовательно придерживаться той линии, что сам факт того, что Советский Союз воюет с Германией, не означает того, что он защищает, борется за или придерживается тех принципов международных отношений, которых придерживаемся мы. Мы не должны давать никаких обещаний Советскому Союзу заранее относительно помощи, которую мы могли бы оказать в случае германо-советского конфликта, и мы не должны брать на себя никаких обязательств в отношении того, какой могла бы быть наша будущая политика по отношению к Советскому Союзу или России”⁴².

В прессе летом 1941 г. господствовали сторонники антисоветской группировки в верхах. Оценки боеспособности Красной армии и устойчивости политического режима звучали пессимистически. Будучи откровенно антисоветской, лишь в деталях менялась позиция консервативных изданий. С первых дней после нападения Германии на СССР “консервативная пресса не испытывала никакого восторга от того, что в лице Советского Союза у американцев появился союзник в борьбе с фашизмом”. Руководство страны на всем протяжении войны открыто обвинялось в просоветских симпатиях в ущерб национальным интересам: “Многие высокопоставленные лица, включая Гарри Гопкинса и Аверелла Гарримана, доверенных лиц президента, буквально молятся на советский режим”⁴³.

Это касается не только центральной, но в равной степени и местной печати. Так, некоторые канзасские газеты цитировали бывшего главу Национального управления экономического восстановления и политического обозревателя Х.С. Джонсона, писавшего: “Многие обозреватели убеждены, что суть лисьей стратегии Сталина сводилась к тому, чтобы выждать, пока Англия, возможно Америка, вероятно, Япония уничтожат или резко ослабят друг друга во взаимной смертельной борьбе. После этого он вступит в войну, чтобы установить свой порядок, используя чудовищную доктрину коммунизма, которая с 1919 г. стала кошмаром Западной Европы”. В новой обстановке Джонсон задавался вопросами о силе Красной Армии, Советского Союза и не мог дать на них положительного ответа. Ему вторил А.Ф. Керенский: “Страна слаба, а Иосиф Сталин – банкрот”⁴⁴.

В ответ своим критикам и для мобилизации общественности Рузвельт и Гопкинс в 1941 г. развернули кампанию с целью доказать американцам, будто Россия – страна, которая также стремится развивать демократию⁴⁵. Предоставлявшиеся американцам на этот счет сведения нередко были далеки от истины, ведь накануне создания УВИ Рузвельт заявил: “Я в полной мере желаю вводить [американцев] в заблуждение

⁴¹ *Franklin J.H.* From Slavery to Freedom. New York, 1969, p. 599.

⁴² Москва – Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1941, т. 3. М., 2009, с. 719–720.

⁴³ Цит. по: *Иванов Р.Ф.* Сталин и союзники. Смоленск, 2000, с. 145, 146.

⁴⁴ Цит. по *Иванов Р.Ф., Петрова Н.К.* Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. 1941–1945. Воронеж, 1995, с. 19.

⁴⁵ *Данн Д.* Указ. соч., с. 195.

и говорить неправду, если это поможет нам выиграть войну”⁴⁶. Отчасти следуя этой “установке”, американские пропагандисты искали в облике СССР схожие с американскими черты. Трудящиеся положительно восприняли новый образ заокеанского союзника. Как писал в письме Рузвельту председатель Совета индустриального профсоюза штата Нью-Йорк: “Рабочее движение расценивает эту войну как народную, как войну между силами тирании и угнетения, с одной стороны, и свободы и демократии, – с другой. От исхода этой войны зависит существование наших свободных институтов, включая профсоюзы, само выживание нашей страны определит победа в войне Объединенных Наций”⁴⁷. Поэтому следующим шагом к облагораживанию образа СССР было придание ему “демократических черт”, доказательство либерального характера сталинского режима. Рузвельту и его сторонникам надо было продемонстрировать наличие в Советском Союзе демократических свобод, а затем строились расчеты с помощью личных встреч побудить Сталина смягчить режим⁴⁸.

Содержание просоветских агитационных материалов подсказывали сами американцы. В обществе с сильным религиозным влиянием, которым были США того времени, граждане во многом рассматривали Советский Союз через призму свободы вероисповедания. Еще 10 июля 1941 г. в одном из писем, которое получил президент, говорилось, что благоприятное решение религиозного вопроса советскими властями “увеличит материальную помощь русским вооруженным силам” со стороны западных держав⁴⁹. Этот вопрос был одной из не афишировавшихся целей миссии Гарримана – Бивербрука в Москву осенью 1941 г. Отзывы руководителей делегации о Советском Союзе были весьма высоки. А. Гарриман в интервью радиокomпании “Си-Би-Эс” 13 октября 1941 г. заявил следующее: «Мы обнаружили, что многие наши широко распространённые представления о русских далеки от истины... Бивербрук и я имели дело со Сталиным. Ни один человек не смог бы работать так быстро и эффективно, как он. И он был откровенен с нами... Все эксперты говорят в один голос, что последнее поколение русских произвело на свет первоклассных механиков... Лучшей работы я еще нигде не видел... наши военные эксперты утверждают, что никогда еще не видели, цитирую “таких опытных изобретательных, находчивых и сильных духом людей”. “Русские механики могут работать хоть под дождем, хоть под снегом, при любой погоде и круглые сутки”. Русские летчики учатся летать на американских самолетах так же быстро и грамотно, как наши собственные или английские пилоты... нам совсем не нужно бояться за то, что случится с нашим оборудованием, самолетами, танками, которые мы туда посылаем. Русские прекрасно знают, какое им найти применение, как использовать с наибольшим эффектом... Духовная сила русского национализма вспыхнула сейчас с огромной силой. Сталина сейчас волнует только одна вещь – это русская нация. Если он говорит о каких-либо нуждах, то это нужды этой нации и ее надежды... Несомненно, все, что он запрашивал от нас, будет поставлено... Мы не знаем, где проходит фронт в настоящую минуту. Мы не знаем, где он будет проходить завтра. Но я убежден, что, получая оборудование и военные материалы, Россия будет сражаться»⁵⁰.

Несколько позднее (в 1942 г.) У. Бивербрук утверждал: “Коммунизм при Сталине завоевал аплодисменты и восхищение всех западных наций. Коммунизм при Сталине дал нам примеры патриотизма, которым трудно найти аналоги в анналах истории. Коммунизм при Сталине вырастил самых лучших генералов. Преследования христиан? Отнюдь. Там нет религиозных преследований. Двери церквей открыты. Преследования на национальной почве? Ничего подобного. Евреи живут, как все. Политические

⁴⁶ *Kimball W.F.* Op. cit., p. 7.

⁴⁷ Цит. по: *Иванов Р.Ф., Петрова Н.П.* Соединенные Штаты Америки. – Мировые войны XX века, кн. 3. М., 2002, с. 469–470.

⁴⁸ См.: *Данн Д.* Указ. соч., с. 209.

⁴⁹ Цит. по: *Иванов Р.Ф., Петрова Н.К.* Общественно-политические силы..., с. 23.

⁵⁰ Цит. по: *Мяжков М.Ю.* Проблема послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях 1941–1945. М., 2006, с. 257–259.

репрессии? Конечно. Но теперь ясно, что те, кого расстреляли, предали бы Россию ее врагам-немцам”⁵¹.

Пока же Гарриман и Бивербрук были в Москве, Рузвельт 1 октября 1941 г. созвал пресс-конференцию, на которой процитировал 124-ю статью Конституции СССР, которая гарантировала свободу вероисповедания. Через два дня советская сторона подтвердила слова президента.

В условиях, когда приходили вести о тяжелейших поражениях Красной Армии, способность к трезвой оценке сохранили лишь немногие, в основном – деловые издания. Так, еженедельник “Бизнес уик” писал, что “отступление Советов не является поражением хотя бы потому, что нет никаких свидетельств бегства или морального упадка Красной Армии”. Словно подтверждая выводы экономистов, известный корреспондент С. Сульцбергер описывал встречу с колонной утомленных советских солдат, несущих на себе оружие и отступающих на подготовленные рубежи обороны. Вдруг взгляд корреспондента остановился на молодом лейтенанте, который был полон оптимизма и, находясь на подмосковных рубежах обороны, уверенно заявляет: “Мы возьмем Берлин!”⁵²

Неоднозначную позицию в отношении СССР занимала либеральная печать. Признавая мощь Красной Армии, она задавалась вопросом о советском военном и промышленном потенциале. В июле 1941 г., размышляя о причинах нападения Германии на СССР, журнал “Тайм” писал: “Германия хотела именно войны... уж точно не для того, чтобы подкрепить свою военную промышленность российскими ресурсами: каждому ясно, что военные действия обернутся еще большим хаосом для и без того слабо организованной производственной базы этой страны. И, вопреки утверждениям Гитлера, не для того, чтобы упредить агрессию русских: он отлично знал, что Россия не осмелится напасть на Германию. Последняя напала на Россию отчасти для того, чтобы привлечь на свою сторону антикоммунистов по всему миру, и, конкретнее, чтобы ликвидировать последнее препятствие для немецкой гегемонии на европейском континенте – Красную Армию”⁵³.

Высоко оценивая подвиг советских солдат и тружеников тыла, либеральная пресса смягчила тон, но не перестала критиковать политическую систему сталинизма. “Отныне русским командирам – впрочем, как и немецким – придется бороться с трудностями, которые создадут им политики”, – так журнал “Тайм” оценивал возвращение института комиссаров⁵⁴. И все же в конце 1942 г., несмотря на неудачи второго года войны, у американских журналистов не возникало сомнений в мощи Красной Армии: “Красная Армия вооружена и снабжена хорошо – даже великолепно, учитывая нужду, воцарившуюся в России в связи с войной. Это связано прежде всего с тем, что ее командование, в том числе и генерал Жуков, проявило мудрость и смелость, сохранив и создав гигантские запасы вооружения и снаряжения в тот период, когда немцы захватывали богатейшие территории и города России. Именно эти резервы – их подлинный объем известен лишь советскому командованию – являются одним из факторов, определяющих ход и результат боев этой зимой. Но даже в худшем случае, если зимнее наступление окончится неудачей, Иосиф Сталин, Георгий Жуков и другие командующие Красной Армии сохраняют достаточно таких резервов для новой попытки”⁵⁵.

Эти статьи ввиду их немногочисленности не могли переломить общей тенденции. В итоге общественное мнение в последнюю декаду июня 1941 г. придерживалось в целом изоляционистских взглядов: 79% опрошенных однозначно заявляло, что Америке не стоит вмешиваться в европейскую войну. Причиной отчасти был страх больших, чем в Первую мировую войну жертв, о чем в конце июня 1941 говорило 45% опрошенных⁵⁶.

⁵¹ Цит. по: *Taylor A.J.P.* Beaverbrook. London. 1972, p. 528.

⁵² Цит. по: *Рычкова О.В.* Указ. соч., с. 24.

⁵³ *Time*, 14.VII.1941.

⁵⁴ *Time*, 28.VII.1941.

⁵⁵ *Time*, 14.XII.1942.

⁵⁶ *Gallup G.* Op. cit., p. 288, 289.

Оставшиеся в основном незыблемыми демократические свободы определяли противоречивое освещение союзников и противников США. Даже в рамках одного издательского дома разнилось отношение к советскому лидеру. Так, в годы Второй мировой войны корпорацией Генри Люса издавалось три журнала: иллюстрированный “Лайф”, рассчитанный на массового читателя, “Тайм”, публиковавший аналитические статьи, и “Форчун” – ежемесячный журнал для бизнесменов. В сентябре 1941 г. “Тайм”, характеризуя И.В. Сталина, заявил: “Это жесткий человек, вполне заслуживший свое стальное имя... И если кто-либо и был в состоянии выжить в условиях тех исторических испытаний, в которых он очутился сейчас, то он смог”⁵⁷. Позднее тот же журнал через два года характеризовал Сталина в следующих выражениях: “Непроницаемый, практичный, упорный азиат, проводил за письменным столом по 16–18 часов в сутки... Он все так же твердо держит в руках бразды правления страной; кроме того, его способности государственного деятеля пусть и с запозданием, получили признание за пределами России... Поток высоких гостей из других стран, устремившихся в Москву в 1942 г., заставил Сталина покинуть свою непроницаемую “скорлупу”: под ней оказался радушный хозяин и умелый игрок за международным “карточным столом”»⁵⁸. Напротив, на страницах “Лайфа” генсек выглядел сосредоточенным, но добрым и приятным. Человеком 1942 года по версии журнала “Тайм” был Сталин (в 1938 г. аналогичный “титул” там же получил Гитлер). Но если впервые, в 1939 г., глава советского государства был изображен как беспощадный деспот, то в 1943 г. он предстал бесстрашным борцом с нацизмом. Через несколько месяцев фотография советского вождя была помещена в передовице журнала “Лайф”.

Внешняя скромность и сила ума Сталина произвели впечатление на журналиста “Нью-Йорк таймс” Р. Паркера. Он писал о рационализаторских предложениях советского вождя в конструкции штурмовика и московской системы водоснабжения. Именно поэтому, отмечал журналист, никто из встретившихся ему советских граждан ни разу не критиковал руководящие указания Сталина⁵⁹. Он представлял революционером, борцом за построение государства, “в котором все граждане располагают экономическими, политическими и культурными правами и свободами и в котором никаким частным интересам не позволено препятствовать развитию природных богатств для всеобщего благополучия”⁶⁰. Но именно авторам “Нью-Йорк таймс” Дж. Дьюи и С. Лафоллет принадлежит самая пространная и объективная критическая статья с разбором фильма “Миссия в Москву”.

Одним из наиболее популярных изданий был журнал “Лайф”, еженедельный тираж которого тогда составлял 5 млн. экземпляров⁶¹. Он был основан как иллюстрированный журнал, в котором изображение преобладало над словом. Другое детище Люса, еженедельник “Тайм”, удачно сочетал наглядность и анализ событий. Учитывая эту специфику, пропагандисты из УВИ во время битвы за Тихий океан регулярно помещали на его страницах фотографии, на которых показывались (всегда – в единственном числе) погибший или истязуемый японцами американский солдат.

Как видим, Управления военной информации было не единственным поставщиком материалов для масс-медиа США. Незадолго до начала президентской кампании 1943 г. бывший американский посол в Москве Джозеф Дэвис так описывал ситуацию в средствах массовой информации: «Настали собачьи времена. Мы накануне острых политических боев. Существует... настоящий сговор между органами печати, враждебно относящимися к президенту и составляющими почти 70% так называемой “газетной цепи”. Есть много признаков того, что действия этой прессы очень хорошо координируются и осуществляются по плану... как раз перед последним выступлением президента вчера

⁵⁷ Цит. по: *Александр Ч.С.* “Дядя Джо”, с. 32.

⁵⁸ *Time*, 4.I.1943, p. 12.

⁵⁹ *New York Times*, 23.VIII, p. 28.

⁶⁰ Цит. по: *Александр Ч.С.* “Дядя Джо”, с. 33.

⁶¹ *Александр Ч.С.* Хорошая ли это была война для Америки? С. 321.

(28 июня 1943 г. – Д.С.) вечером, по крайней мере, по одному каналу радиовещания была запущена в эфир программа, содержащая яростную атаку на дело международного сотрудничества и прославляющая американский флаг»⁶². Тем не менее успехи Советского Союза в борьбе с гитлеризмом говорили за себя. И в 1943 г. был зафиксирован наивысший уровень симпатий американцев к России за период 1930–1940-х годов. К июню 1943 г. уже большинство американцев (81%) полагало, что США должны относиться к России как равному партнеру и в военных вопросах, и при выработке принципов послевоенного мироустройства⁶³.

О сложностях во внутренней пропаганде союза с СССР рассказывал В.М. Молотову журналист газеты “Нью-Йорк таймс” А. Сульцбергер во время встречи в июле 1943 г. Он прямо заявил о необходимости советской поддержки, чтобы не дать взять верх антисоветской группировке в ходе близившихся президентских выборов⁶⁴. Вынужденный лавировать между сторонниками различных взглядов на сотрудничество с СССР (в том числе и послевоенное), Рузвельт шел на уступки обоим направлениям. После откровенно антисоветской речи У. Буллита в Филадельфии в марте 1943 г. Рузвельт прекратил все контакты с ним. Но, с другой стороны, осенью того же года был отправлен в отставку заместитель госсекретаря Самнер Уэллес – “самый красноречивый среди членов правительства сторонник вильсонианской или универсалистской формулы обеспечения всеобщей безопасности в послевоенном мире”, включавшей тесное взаимодействие с Советским Союзом, чему была посвящена, в частности, его пространная речь 26 февраля 1943 г.⁶⁵ Отсутствие официальных комментариев по поводу ухода Уэллеса, как и в случае с нападением Японии на Пёрл-Харбор, компенсировалось комментариями обозревателей. Один из них, А. Крок, писал: “Затянувшееся противостояние между Хэллом и Уэллесом, которое нарушало работу [государственного] департамента и раскалывало дипломатов на две фракции и вносила хаос в работу ведомства, вынудило президента пойти на крайние меры. Президент, несмотря на личные симпатии к Уэллесу, отправил его в отставку, чтобы он не стал катализатором “кабинетных революций” в главных министерствах в период войны. Искусный аппаратчик Хэлл, несмотря на длительную болезнь, сохранил авторитет в Конгрессе, который мог не утвердить Уэллеса в новой должности”⁶⁶. 26 сентября 1943 г. новым заместителем госсекретаря был назначен Эдвард Стеттиниус, который через год возглавит американскую дипломатию.

Таким образом, к президентским выборам 1944 г. “команда Рузвельта” подошла сильно ослабленной. Место искренних сторонников курса на сближение с Советским Союзом заняли деятели, лишь внешне соглашавшиеся с внешнеполитическим курсом президента. Тогда же изоляционистское крыло политиков претерпело существенную перемену. Теперь главную роль в их программе стала играть идея международной экспансии, основанная на исключительном праве США⁶⁷. Неизменным осталось лишь плохо скрываемое враждебное отношение к СССР. Эти идеи активно пропагандировались противниками президента. Сторонник сближения с Советским Союзом, с которым Рузвельт многократно встречался, обсуждая детали предстоявшей Тегеранской конференции, Дж. Дэвис писал в дневнике: “Пресса и радио продолжают сеять подозрения в отношении добропорядочности и искренности советских руководителей”⁶⁸. О том же,

⁶² Цит. по: Мальков В.Л. Франклин Рузвельт, с. 267.

⁶³ Public Opinion 1935–1946. Princeton, 1951, p. 372.

⁶⁴ Советско-американские отношения..., с. 346.

⁶⁵ Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932–1945. New York, 1979, p. 421.

⁶⁶ New York Times. 25.VIII.1943.

⁶⁷ Именно поэтому важнейшим принципом Московской и Тегеранской конференций У. Липпман считал необходимость совместных действий великих держав для обеспечения мира. (См. Early to Hopkins. December, 7, 1943. – FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Box 17. Folder 4.)

⁶⁸ LoC. Joseph E. Davies Papers. Box 13. Diary. May, 3, 1943.

но смягчая выражения, вполне ясно говорил В.М. Молотову при вручении своих верительных грамот А. Гарриман: “Твердая решимость вести войну до конца как в Европе, так и на Тихом океане” поддерживается подавляющим большинством американцев, однако в стране имеются “небольшие группы”, которые издают свои газеты и “утверждают, что Соединенные Штаты совершили ошибку, вступив в войну”⁶⁹.

Столь же противоречивым, как и у элиты, было восприятие СССР рядовыми американцами. По данным опросов общественного мнения 1930-х годов можно сделать вывод, что основными факторами здесь являлись, во-первых, выработанная в Соединенных Штатах позиция по отношению к коммунизму и его адептам в стране, а также оценка политики Сталина и восприятие русского народа⁷⁰. В общем, позицию американцев к СССР после заметного охлаждения в результате советско-финской войны и расширения советских границ в Прибалтике и Восточной Европе можно охарактеризовать как сдержанную. В первые дни Великой Отечественной войны Советский Союз, как жертва агрессии, пользовался симпатией американцев. 72% опрошенных в июне 1941 г. желали, чтобы в войне победил СССР, 4% – Германия, для 17% это было безразлично, а 7% затруднились с ответом. Именно тогда в поддержку Советского Союза развернулось широкое общественное движение, носившее как организованный (по линии Международного Красного Креста, а также “Рашен уор релиф”, “Русско-американского центрального комитета помощи России”), так и неорганизованный характер⁷¹. Их активность дала результат, и через месяц число сторонников СССР выросло за счет “безразличных”. По данным опроса, проведенного в июле 1941 г., 77% жителей США хотели бы видеть победу России над Германией и лишь 4% опрошенных открыто симпатизировали Германии. Однако присоединение Советского Союза к Атлантической хартии и Московская конференция трех держав (29 сентября – 1 октября 1941 г.) были восприняты весьма прохладно. Лишь 22% американцев видели в “Советах” равноправного партнера⁷².

Вера в “русского союзника” усилилась после победы Красной армии в битве под Москвой и подписания Декларации Объединенных наций. В феврале 1942 г. доля американцев, назвавших Россию “полноправным союзником”, удвоилась по сравнению с октябрём 1941 г. и составила 46%⁷³. Но перспективы будущих взаимоотношений двух стран были смутными. Так, приблизительно равное число респондентов полагало, что Москва и Вашингтон будут сотрудничать (38%) и будут противодействовать друг другу (37%), а 25% затруднилось ответить⁷⁴.

В чрезвычайно напряженные дни лета 1942 г., когда снова решался исход всей войны, А.А. Громыко писал в НКВД: “Вопрос о втором фронте в Европе, безусловно, волнует миллионы людей в США. Обсуждение этого вопроса не сходит со страниц американской печати. Рабочие крупных городов США собираются на митинги, на которых выражают свое отношение к данному вопросу, выносят резолюции, призывающие правительство Рузвельта ускорить открытие второго фронта. Широкие массы населения видят и не могут не видеть, что открытие второго наземного фронта в Западной Европе означало бы ускорение разгрома гитлеровских армий и ускорение победы союзных государств”⁷⁵. Сторонники высадки в Европе активно выражали свое мнение и старались воздействовать на Белый дом. Так, в апреле 1942 г. Ф. Рузвельт получил обращение от 30 тыс. работников автомобильных заводов Детройта. Через месяц пришли аналогичные обращения, подписанные 20 тыс. работников автомобильной

⁶⁹ Советско-американские отношения..., с. 388.

⁷⁰ Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. М., 2005, с. 97.

⁷¹ См. Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы..., с. 43, 36–37.

⁷² Page B., Shapiro R. Y. The Rational Public; Fifty Years of Trends in American Policy Preferences. Chicago, 1992, p. 198.

⁷³ Ibid., p. 198.

⁷⁴ Public Opinion 1935–1946. Princeton, N.J., 1951., p. 370.

⁷⁵ Советско-американские отношения..., с. 224.

и 25 тыс. – судостроительной промышленности. Их мнение поддерживали некоторые представители Конгресса⁷⁶. Поддержка СССР объединяла американцев вне зависимости от классов и профессий. Как говорил на одном из собраний организации “Деятели искусств – России” 3 декабря 1942 г. Чарли Чаплин, в данное движение входят представители банковских домов и руководители прогрессивных профсоюзов КПП⁷⁷. Однако данные опроса Гэллага говорили об отсутствии у населения твердого решения в пользу десанта в Европе: 48% опрошенных поддерживало идею открытия второго фронта в Европе, 34% говорили, что надо подождать, пока англо-американские войска не станут сильнее, а 18% опрошенных не высказали своего мнения⁷⁸.

Несмотря на стойкое неприятие коммунизма, многие американцы восхищались военными успехами СССР. Это легко увидеть несмотря даже на типичный для американских масс-медиа беспристрастный тон. Так, летом 1942 г. журнал “Тайм” писал: “Немецкие армии остановились на подступах к промышленному району Донбасс. Но Германии не достались его шахты, электростанции и заводы, и выгодный плацдарм для броска к кавказской нефти. Немцы вынудили Россию эвакуировать немалую часть промышленности за Урал, но они и близко не подошли к этой тыловой кузнице военной мощи, которая сможет обеспечивать русские армии всем необходимым, даже если большая часть европейской России окажется в руках врага. Немцы заняли Крым, они заняли черноморский порт Керчь. Но к первой годовщине начала войны они еще не полностью захватили Севастополь – крепость, контролирующую Черное море”⁷⁹. Колоссальными тиражами в США расходились книги репортажей англоязычных журналистов в Советском Союзе Э. Колдуэлла “Дорога на Смоленск” (1942), К. Уолласа “В этом мы с Россией” (1942), А. Верга “Год Сталинграда”, Д. Брауна “Россия борется” (1943). Авторы достаточно объективно писали о всенародном характере героической борьбы советских людей и их высоком моральном духе на фронте и в тылу (на строительстве оборонительных сооружений под Москвой и в блокадном Ленинграде), которые обязательно выстоят, несмотря на нехватку техники. В ходе тяжелых боев под Ржевом и Сталинградом Красная Армия понесла большие потери. Но их либеральные американские издания оценивали взвешенно. Говоря о числе убитых и раненых, они писали о развитии советской военной медицины, которая не смогла помочь только 1,5% раненых⁸⁰.

Возможно, именно поэтому на лето – осень 1942 г. приходится пик доверия СССР. В феврале 1942 г. только 38% опрошенных полагало, что СССР будет участвовать в послевоенном мироустройстве, в мае и июле – 45%, в августе – 51%, а в ноябре – 52% респондентов⁸¹. Профсоюзы Нью-Йорка объявили 8 ноября 1942 г. днем Сталинграда. Тогда же, в ноябре 1942 г. Конгресс советско-американской дружбы устроил крупнейший митинг в зале “Мэдисон сквер гарден”, на котором присутствовало 20 тыс. чел. Основной докладчик, вице-президент США Уоллес объявил демократию как феномен американской политической и советской экономической жизни основным достоянием будущей победы⁸².

Совсем иное представление может сложиться у неискушенного читателя. Американская пресса уделяла основное внимание внутриамериканским новостям, не пренебрегая “бытовыми зарисовками”. Редкие статьи о боевых действиях ограничивались освещением успехов англо-американских союзников, о советско-германском фронте упоминалось вскользь. Причину этого раскрыл Роквелл Кент в новом письме во Всесоюзное

⁷⁶ См. *Израэлян В.Л.* Указ. соч., с. 146.

⁷⁷ ГАРФ, ф. 5283, оп. 14, ед. хр. 88, л. 118.

⁷⁸ *Attitudes Toward International Problems*, 31.VII.1942, p. 7. – FDRL. Papers of Oscar Cox. Box 100: Public Opinion. OWI Surveys Division.

⁷⁹ *Time*, June, 29.VI.1942.

⁸⁰ *Time*, 23.XI.1942.

⁸¹ “*Attitudes Toward International Problems*”, Aug. 31, 1943, p. 8 – FDRL. Papers of Oscar Cox. Box 100: Public Opinion. OWI Surveys Division.

⁸² *Александр Ч.С.* Хорошая ли это была война для Америки? С. 316.

общество культурных связей с границей: “Говоря в целом, наша пресса представляет интересы тех, кто боится движения в сторону совершенствования демократии. На фоне роста дружеских чувств к Советскому Союзу и чувства благодарности к Красной Армии и народу Советского Союза за все то, что они, проявляя подлинный героизм, сделали для нас и людей всего света, американская печать показывает себя не лучшим образом. Она неохотно плетется позади общественных настроений, уступая под их натиском, но только в таких размерах, которые соответствуют ее собственным интересам”⁸³.

Начало 1943 г., как казалось многим американцам, сулит скорую победу. Разногласия между союзниками исчерпаны, и, полагали они, осталось решить лишь “технические вопросы”, поэтому общими усилиями можно завершить войну уже в 1943 г. Более того, политически грамотные лица, следившие за становлением Объединенных Наций, выражали оптимизм по поводу перспектив послевоенного развития. Они высказывались в пользу более активного участия США в “послевоенной Лиге наций”, включения в состав новой организации представителей от бывших стран фашистского блока. Не возникало сомнений в послевоенном сотрудничестве с СССР (48% среди политически грамотных и 44% из далеких от политики американцев). Однако уровень сотрудничества двух стран их не устраивал. Большинство из опрошенных (46%) возлагали вину за это на Советский Союз⁸⁴. Для сравнения: степень уверенности в Великобритании у тех же категорий населения колебалась от 69 до 81%⁸⁵.

Рядовые американцы искренне полагали, что второй фронт в Европе будет открыт именно в 1943 г. Так, президент отделения № 65 Объединенного профсоюза сталелитейщиков 25 февраля 1943 г. направил в адрес посольства СССР в Вашингтоне следующие строки: “В последние пять месяцев мир стал свидетелем беспримерного мужества Красной Армии, которая сломала наступление под Сталинградом и сняла осаду с Ленинграда и сейчас ведет наступление против германских фашистов. Это значит, что есть возможность довершить разгром Гитлера в 1943 г. путем немедленного открытия вооруженными силами США и Англии второго фронта в Европе... В преддверии военных действий в Европе... мы, члены местного отделения № 65, представляющего 15 тыс. сталелитейщиков Южного завода Карнеги-Иллинойс, выражаем свое стремление поддерживать высокий уровень производства с тем, чтобы обеспечить всем необходимым вторжение в Европе, которое мы все с нетерпением ждем”⁸⁶.

Это мнение не было единственным. Весной того же года по поручению Белого дома (в обход УВИ) был проведен опрос общественного мнения, данные которого оказались засекречены. Согласно его данным, 62% опрошенных американцев согласились с утверждением, что после победы над странами “оси” возможно построить мир без войн, а 63% поддержало мысль о вхождении США наряду с Советским Союзом в международную организацию по обеспечению безопасности⁸⁷.

Победы советского оружия сильно укрепили прорусские настроения в американской прессе. Номер журнала “Лайф” от 29 марта 1943 г., по словам некоторых исследователей, стал “невиданным ранее примером восхваления Советской России”⁸⁸. На его страницах И.В. Сталин назывался гением дипломатии, которому “было нелегко доказывать другим странам правильность своего внутривосточного курса”. Много лестных слов звучало в адрес колхозов и государственных заводов⁸⁹.

⁸³ ГАРФ, ф. 5283, оп. 14, ед. хр. 84, л. 376.

⁸⁴ Attitudes Toward International Problems, 31.VIII.1943, p. 4–7. – FDRL. Papers of Oscar Cox. Box 100: Public Opinion. OWI Surveys Division.

⁸⁵ Ibid., p. 9.

⁸⁶ ГАРФ, ф. 5283, оп. 14, ед. хр. 185, л. 1.

⁸⁷ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 137. Office of War Information. Bureau of Intelligence. Special Intelligence Report “Attitudes toward peace planning”. March, 6, 1943.

⁸⁸ Fleming T. The New Dealer’s War. New York, 2001, p. 294.

⁸⁹ Life, 29.III.1943.

Аналогичные настроения дали о себе знать в других изданиях. Все вопросы, связанные с СССР и Китаем в “Сатэдей ивнинг пост”, освещал Эдгар Сноу, прославившийся ранее прокоммунистической книгой “Красная звезда над Китаем”. Даже “Ридерз дайджест”, который до 1941 г. часто критиковал Советский Союз, стал очень скуп на негативные высказывания. Его корреспондентом в военной Москве был Морис Хиндус, который ранее написал не один восторженный отзыв о колхозной системе.

Промосковских настроений придерживалось большинство книгоиздателей, что было особенно показательным в 1943 г. Президент издательской группы “Рандом Хаус” Б. Серф даже предположил, что издательская индустрия (не без участия Э. Дэвиса) наложила мораторий на книги с критикой СССР до окончания войны⁹⁰.

Поэтому неудивительно, что опросы общественного мнения фиксировали растущую симпатию к СССР. Один из них в конце июля 1943 г. нашел отражение в письме Джона Дэвиса Рузвельту: “Общественное мнение нашей страны... признает ту основополагающую истину, что сотрудничество с Россией (независимо от ее политического строя и религиозных убеждений) жизненно важно для нас как в Европе, так и на Тихом океане, идет ли речь о международном партнерстве или просто о деловом партнерстве с целью поддержания будущего мира на земле, по крайней мере, на какое-то время”⁹¹.

Вышедшая накануне начала президентской кампании 1944 г. книга У. Уилки “Единый мир”, в которой он вспоминал встречи с главами государств, позднее вошедших в антигитлеровскую коалицию, и излагал рузвельтовский план послевоенного мироустройства, разошлась огромным тиражом, что еще подтвердило одобрение и близость идеи американцам. В ней, в частности, говорилось: “Нам не нужно бояться России. Мы должны научиться работать вместе с ней против нашего общего врага – Гитлера. Мы должны научиться работать вместе с ней и после войны, так как Россия – это динамичная страна, полное жизни новое общество, которое нельзя не принимать во внимание в будущем мире”⁹².

В последний период Второй мировой войны в американском общественном мнении возобладал экспансионизм. С момента перехода Красной Армией государственной границы СССР всё больше американских изданий пытались настойчиво навязать читателям негативный образ Советского Союза, который-де начал распространять “большевистскую заразу” в Европе. Наиболее ожесточенные антисоветские нападки слышались из лагеря экономистов. Еще была свежа память о том, как “эпоха процветания”, ставшая следствием колоссальной прибыли от военных заказов первого глобального конфликта, сменилась упадком во времена Великой депрессии. Поэтому неудивительно, что уже в 1943 г. американские ученые пришли к оценке крупного военного заказа как важнейшей составляющей национального благосостояния и, следовательно, необходимости в мирное время поддерживать производство вооружений на высоком уровне.

Такая мысль впервые прозвучала на ежегодном заседании Американской экономической ассоциации, собравшейся в столице США в 1943 г. В итоговом документе делалась попытка рассмотреть возможные последствия окончания военных действий для экономики. Для военно-промышленного комплекса это означало резкое сокращение прибыли, а далее следовал апокалиптический прогноз для всей экономики страны⁹³. Те же страхи дали знать о себе на заседании Ассоциации через год, в январе 1944 г. Поддержка безграничного господства США на международной арене на основе военной силы недвусмысленно звучала в таких формулировках принятого программного документа “Экономическая мощь как инструмент национальной политики”, как “военная готовность плюс экономическая готовность”⁹⁴.

Призывы к постоянной боеготовности и совершенствованию вооружений, по словам современников, нисколько не смущали рядовых граждан. Лидер Социалистической пар-

⁹⁰ *Fleming T.* Op. cit., p. 295.

⁹¹ Цит. по: *Мальков В.Л.* Франклин Рузвельт, с. 267.

⁹² *Willkie W.* One World. New York, 1943, p. 35–36.

⁹³ *The American Economic Review*, v. XXXIII, No. 1. Supplement. March 1943, p. 131.

⁹⁴ *Ibid.*, v. XXXIV. No. 1, pt. 2. Supplement. 1944, p. 148.

тии Н. Томас вынес следующие впечатления от общения с избирателями: “В Соединенных Штатах, в масштабах, в которых большинство американцев стыдится признаваться, войну если даже не приветствовали как избавление от хронической депрессии и безработицы, то воспринимали как норму... Я много путешествовал по Америке, и ничто не оказало на меня такого сильного впечатления (особенно в ходе избирательной кампании 1944 г.), как истинное отношение населения к войне. Несмотря на растущие потери на фронтах, много мужчин и женщин довольно легко соглашались с затягиванием успешно идущей войны до тех пор, пока она сохраняет им работу, наполняет чувством выполненного долга и в целом дает больше еды, чем они имели до войны”⁹⁵.

В отношении побежденных американцы не были склонны к демократическим экспериментам. Так, в феврале 1944 г. лишь 56% опрошенных высказались за проведение в побежденной Германии демократических выборов. Из них 22% были решительно настроены не допустить победы “красных”. Неуклонно росла с 62% (вскоре после нападения Японии на Пёрл-Харбор) доля сторонников увеличения американских военных баз до 84% в 1943 г.⁹⁶

Осознание превосходства США над развитыми европейскими странами, опирающееся на экономическую и военную мощь, привело к появлению духа “американского превосходства”. Его отражением стала, например, редакционная статья “Чикаго трибьюн” от 24 сентября 1944 г., в которой все победы над Японией и Германией приписывались американским войскам.⁹⁷ Либеральные и толерантные США, которые пыталась создать Рузвельтовская администрация (в том числе УВИ), быстро проникались духом имперского превосходства и экспансионизма.

Последний всплеск просоветских симпатий в США за годы Второй мировой войны вновь был связан с победами Красной Армии и именем Франклина Рузвельта. Когда советские части вплотную приблизились к Берлину, антисоветская волна в американской прессе снова начала расти⁹⁸. Несмотря на различие в описаниях последствий войны для Советского Союза (разруха в европейской части и небывалый промышленный подъем в Сибири), авторы консервативных изданий (“Форчун”, “Лайф”, “Америкэн Меркури”) были единодушны в том, что самостоятельность вчерашнего союзника в экономической сфере угрожает американскому экономическому и, как следствие, политическому доминированию на мировой арене⁹⁹. Более того, СССР рассматривался как геополитический соперник США и Великобритании в Европе. Схожие мысли высказывались в книге радикально настроенного журналиста левых взглядов С. Неаринга¹⁰⁰. Управление военной информации оказалось бессильно перед лицом “ястребов” из госдепа¹⁰¹. Антисоветские настроения получали все большее распространение.

Антисоветский поворот начался и в либеральных изданиях. Исчезнувшие после вступления США в войну материалы об отношениях между советской властью и религиозными институтами, о деятельности НКВД вновь приобрели былую остроту. “Русские методы зачастую безжалостны: как в фашистских государствах, многие демократические элементы здесь подавлены или уничтожены”, – писал журнал “Нейшн” летом

---

⁹⁵ *Witter L.S. Rebels against War. The American Peace Movement, 1933–1983. Philadelphia, 1984, p. 114.*

⁹⁶ *Public Opinion 1935–1946, p. 268, 1170.*

⁹⁷ *Chicago Tribune, 24.IX.1944.*

⁹⁸ *Page B., Shapiro R.Y. Op. cit., p. 412.*

⁹⁹ См.: *Рычкова О.В. Американская пресса о промышленном потенциале СССР, 1944–1945. – Вестник ТГПУ, 2007, вып. 3, с. 136–140.*

¹⁰⁰ *Niaring S. The Soviet Union as a World Power. New York, 1945.*

¹⁰¹ Большую активность в этой связи развил известный своим прагматизмом и сдержанно антисоветской позицией советник посла США в Москве Джордж Кеннан. Уже 3 октября 1944 г. он направил А. Гарриману записку, в которой советовал уступками по “польскому вопросу” вынудить СССР признать за Западом влияние в Восточной Европе. (См. подробнее: *Мягков М.Ю. Указ. соч., с. 158–159.*)

1945 г.¹⁰² Другие, хотя и менее резко, но критиковали советский режим, полагая, что лишь сотрудничество с США поможет ему избавиться от антидемократических “перегибов”, но Вашингтону предпочтительнее держаться союза с Великобританией. Журнал “Лайф”, ранее тесно сотрудничавший с Управлением военной информации, писал, что Советский Союз – проблема номер один для Америки в силу потенциальных возможностей бросить вызов американским концепциям свободы, правосудия и благополучия, подчеркивал многогранность самих терминов “демократия” и “свобода”. Именно в силу разночтений и “собственных традиций” американцы желают “защищать демократические стандарты во всем мире в собственной трактовке”. Им (американцам. – Д.С.) не нравятся русские учреждения и русские стандарты “демократии”¹⁰³.

После смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г. Управление военной информации лишилось своего самого надежного сторонника. 31 августа 1945 г. указом президента Трумэна Управление Военной информации было расформировано. Однако специалисты УВИ, переведенные в другие ведомства¹⁰⁴, и их наработки в “психологической войне” (именно с деятельностью УВИ связано появление этого актуального до сих пор термина) не были утрачены. Консолидация пропагандистских служб (УВИ, Управления психологической войны УСС и аналогичного отдела “комитета Рокфеллера”) продолжилась после войны, когда они были ориентированы на следующие регионы: пропаганда в США, и в Латинской Америке, Европе и СССР. Пропагандисты из УВИ сыграли важную роль в информационно-пропагандистской борьбе в условиях начинавшейся “холодной войны”: одни стали советологами в ЦРУ, другие – жертвами “охоты на ведьм”¹⁰⁵ (проект “Венона”). Радиопередатчики УВИ были предоставлены редакции “Голоса Америки” с подчинением госдепартаменту. Тон их передач об СССР с началом “холодной войны” сильно изменился. Зародившееся во Второй мировой войне разделение на гражданскую (координируемую Государственным департаментом) и военную пропаганду в США существует до сих пор.

На время Второй мировой войны пришлось становление американской пропагандистской машины, в состав которой входили Управление военной информации, отдел “моральных операций” Управления стратегических служб и соответствующие подразделения в вооруженных силах и в Управлении по внутриамериканским делам. Этот всплеск был подготовлен интенсивной интеллектуальной работой 1920–1930-х годов. Появившиеся в те годы идеи и методы стали фундаментом, на котором Рузвельт создал машину американской пропаганды. Сами американские исследователи соглашаются с тем, что целью УВИ и его аналогов была пропаганда, а не некое аморфное “информирование общественности”¹⁰⁶. С подобным утверждением можно согласиться, если учесть тот факт, что именно при нем США вышли и (в отличие от “комитета Крила” при Вудро Вильсоне) закрепили свое лидирующее положение в международных отношениях. Кругозор обычных граждан и руководства страны, ранее ограниченный пределами штата или латиноамериканского континента, теперь резко расширился. Усилиями рузвельтовской администрации, а также вследствие участия и победы во Второй мировой войне США превратились из главной силы на американском континенте в мировую сверхдержаву. Подобное изменение потребовало активной (как внутри страны, так и внешней) агитационной работы, а также необходимости определения своего места в мире. Во многом эти задачи были решены с помощью Управления военной информации.

Результаты его работы весьма противоречивы, как и само американское общественное мнение – в условиях демократических свобод. Однако, чего нельзя отрицать, усилиями УВИ граждане США значительно расширили свои представления о мире и происходивших в нем процессах.

¹⁰² *Kirchwey F.* Russia and the West. – *Nation*, 1945, June 23, v. 160, № 25, p. 686.

¹⁰³ *Life*, 30.VII.1945, p. 20.

¹⁰⁴ Так, “советское направление” в созданном немногим далее ЦРУ возглавил Артур Шлезингер (мл.).

¹⁰⁵ См. подробнее: *Benson R., Warner M.* Venona: Soviet espionage and the American response. Washington, 1996.

¹⁰⁶ *Duncombe S.* FDR’s Democratic Propaganda. – *The Nation*, 7.IV.2008, p. 10.